

УДК 801.82

DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-552-561

Поэтический язык З. Гиппиус: конструкции экспрессивного синтаксиса

Плотникова Л.И., Францевская Е.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
luks.p.58@mail.ru, katay5448@gmail.com

Аннотация. Индивидуальный стиль в поэтическом тексте тесно связан с авторским мироощущением: выбор языковых средств отражает представления автора об окружающем мире, свидетельствует о творческих установках и мастерстве художника слова. Несмотря на многочисленные исследования ученых-лингвистов составляющих индивидуального стиля, до настоящего времени не были детально изучены конструкции экспрессивного синтаксиса, которые использовались З. Гиппиус для реализации идейно-художественных установок и создания ярких образов. В связи с этим цель исследования – представить наиболее частотные синтаксические построения, которые являются своеобразными доминантами идиостиля поэта. В процессе исследования выявлены наиболее частотные синтаксические конструкции (парцелированные предложения, риторические вопросы и вопросы-обращения), описаны их основные функции в поэтическом тексте. Прослежена взаимосвязь философской концепции З. Гиппиус и выбора ею языковых средств. Поэзия для автора становится способом единения с Богом и трибуной, с которой провозглашаются лозунги, отражающие собственную религиозную концепцию. В спектр размышлений поэта входят проблемы бытия, жизнь после смерти, любовь во всех формах проявления, взаимоотношения людей, социальные изменения, религия как путь развития духа. Сделан вывод о том, что авторские построения подчинены основной художественной задаче, позволяют поэту добиться желаемого эмоционального эффекта, выразить своё отношение к окружающему миру.

Ключевые слова: поэтический текст, идиостиль, конструкции экспрессивного синтаксиса, парцелляция, риторический вопрос, вопрос-обращение

Для цитирования: Плотникова Л.И., Францевская Е.И. 2024. Поэтический язык З. Гиппиус: конструкции экспрессивного синтаксиса. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(4): 552–561. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-552-561

The Poetic Language of Z. Gippius: Expressive Syntax Constructions

Larisa I. Plotnikova, Ekaterina I. Frantsevskaya

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
luks.p.58@mail.ru, katay5448@gmail.com

Abstract. The poetic creativity of Z. Gippius, a bright representative of the decadent trend in Russia, has attracted the closest attention of researchers at different times, but so far, the expressive syntax constructions used by the author to display ideological and artistic attitudes and create vivid images have not been studied in detail. In this connection, the purpose of this study is to present the most frequent syntactic constructions which are peculiar dominants of the poet's idiostyle. The poet's creativity is

distinguished by the aspiration to use the expressive means of the language to the maximum, which is manifested in the careful choice of words, as well as the creation of syntactic constructions that allow the author to render her idea most precisely and succinctly, to attract the readers' attention, to activate their creative imagination. The paper draws attention to the most frequent constructions of expressive syntax, such as parcellated sentences, rhetorical questions and questions of address, and describes the peculiarities of their functioning in the poetic text. The relationship between Z. Gippius's philosophical concepts and the choice of linguistic means is traced. To the author, poetry becomes a way of uniting with God and a tribune for proclaiming slogans reflecting her own religious concepts. The range of the poet's reflections includes the problems of existence, questions about life after death, about love in all forms of its manifestation, human relationships, and religion as a way of spiritual development. This is embodied in syntactic constructions representing the author's individual picture of the world. The conducted analysis allows us to conclude that the author's constructions are subordinated to the main artistic task, allow the poet to achieve the desired emotional effect, and to express her attitude to the world around her.

Keywords: poetic text, idiostyle, expressive syntax constructions, parcellation, rhetorical question, question-appeal

For citation: Plotnikova L.I., Frantsevskaya E.I. 2024. The Poetic Language of Z. Gippius: Expressive Syntax Constructions. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 552–561 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-552-561

Введение

Поэтический текст – произведение речетворческого процесса, отличающееся особой эмоциональностью, цельностью, завершенностью, взаимодействием адресата и адресанта. По мнению В.В. Виноградова, поэзия – «средство художественного мышления» [Виноградов, 1963, с. 130]. Поэтический текст является системой микро- и макроуровней, совокупность которых отражает соотношение стихотворного произведения и контекста. Как «вторично моделирующая система» [Лотман, 1964] стихотворение направлено на диалог с адресатом поэтического сообщения, побуждает его осознать причины и следствия выбора той или иной языковой единицы. Так, сам знак моделирует свое содержание. Как пишет Н.Ф. Алефиренко, значение слова – «объективно сложившаяся система связей, одинаковая для всех носителей языка», смысл – «индивидуальное значение поэтического слова, выхваченное из этой устоявшейся системы связей» [Алефиренко, 2005, с. 69].

В связи с наличием поэтических ограничений, выявляется резкий рост значимых сочетаний элементов внутри текста: 1) «структурно-значимых, относящихся к языковому уровню, и их вариантов, расположенных на речевом уровне»; 2) «элементов, имеющих семантическое значение (соотнесенных с языковой реальностью), и формальных, имеющих только внутриязыковое значение, например, грамматическое» [Лотман, 1996, с. 46]. Элементы различных языковых уровней приобретают особое семантическое наполнение, имеют тесную связь с контекстом и отражают особенности мировоззрения автора. По мысли В.И. Карасика, совокупность языкового и концептуального обусловлена «использованием существующих в сознании поэта ментальных структур, в которых хранится информация о предшествующем художественном опыте и возможность его использования, и структур, влияющих на отбор языкового материала и поэтический замысел» [Карасик, 2007, с. 20]. Таким образом, в структуре стихотворения слово становится особым символом: так, образ Медного всадника традиционно в литературе соотносится с образом Петербурга, но наделяется различными смыслами. Например, в поэзии З. Гиппиус этот образ олицетворяет пороки, надежды и бессилие, а со временем приобретает значение божественной воли, желание перемен («Петербург» (1909), «Петроград» (1914), «Петербург» (1919), «Лазарь» (1922)). Данного эффекта поэт добивается с помощью различных синтаксических конструкций, позволяющих сделать акцент в нужном синтаксическом отрезке, выделить необходимую лексику или иную

языковую конструкцию. Поэтический синтаксис З. Гиппиус довольно разнообразен, включает различные конструкции экспрессивного синтаксиса.

Понятие «поэтический синтаксис» не имеет четкого научного определения. В данной работе под этим термином мы будем понимать особые синтаксические приёмы, синтаксические фигуры, используемые автором с целью передачи особого смысла, отражающие авторское мировосприятие. Средства поэтического синтаксиса относятся к числу стилистических ресурсов синтаксиса, следовательно, к ним относят повтор, плеоназм, амплификацию, анафору, эпифору, рефрен, полисиндетон, асиндетон, умолчание, эллипсис, градацию, риторические фигуры (вопрос, восклицание, обращение, утверждение, отрицание), инверсию, антитезу, оксюморон, параллелизм, солейцизм, эналлагу, силлепсис. Использование конструкций экспрессивного синтаксиса позволяет автору наполнить текст особой эмоциональностью [Курбатов, 2002, с. 146], а частотность использования тех или иных синтаксических приёмов и фигур отражает особенности идиостиля поэта.

Существуют различные подходы и к трактованию термина *идиостиль*: структурный (В.А. Кухаренко [2019]), эстетически маркированный (Г.О. Винокур [1990]), образно-композиционный (Г.Я. Солганик [2001]), прагмасемантический (А.Г. Котова [2000]), коммуникативно-когнитивный (В.А. Кухаренко [2019], И.А. Тарасова [2012]), лингвостилистический (М.П. Котюрова, Н.С. Болотнова [2014]). В последнее десятилетие активно развиваются лексический, лингвокреативный, лингвоститический и лингвотипологический подходы к анализу индивидуального стиля. Ю.М. Калинина справедливо считает, что «анализ построения отдельных предложений и всего текста позволяет сделать вывод об идиостиле автора, определить его скрытые намерения» [Калинина, 2009, с. 6]. В данной работе за основу принимается положение Н.С. Болотновой, которая определяет идиостиль как «сложное, многомерное и многоуровневое проявление личности автора, «стоящей за текстом»: его лексикона, семантикона, грамматикона, тезауруса, концептосферы, мотивов, определяющих своеобразие семантики, текстовой организации» [Болотнова, 2007, с. 587].

Идиостиль З. Гиппиус в современной науке еще не до конца изучен, существуют лишь отдельные статьи о специфике языка поэта. Цель исследования – выявить особые синтаксические конструкции в поэтических текстах З. Гиппиус, которые являются отражением идиостиля автора.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования являются особые синтаксические конструкции, отмеченные в поэтических текстах З. Гиппиус, которые являются отражением идиостиля автора.

Материалом исследования послужило поэтическое наследие Зинаиды Гиппиус, отличительной чертой которого является особая дневниковость. Языковой материал извлекался из сборников стихотворений и песен различного периода творчества: «Собрание стихов. 1889–1903», «Собрание стихов. Вторая книга. 1903–1909», «Последние стихи. 1914–1918», «Сияние», «Стихи. Дневник. 1911–1921», «Стихотворения, не вошедшие в авторские сборники», «Походные песни». Анализ стихотворений с различной датировкой позволяет проследить изменения в идиостиле в зависимости от периода, выявить взаимосвязь философских позиций и творчества поэта – любовь во всех формах её проявления, загробная жизнь, проблемы жизни и смерти, социальные изменения.

В качестве ведущего в данном исследовании используется *метод* системного научного описания, включающий приём сплошной выборки синтаксических средств из поэтических текстов З. Гиппиус; метод контекстуального анализа, отражающий особенности структуры и значения, а также специфику сочетаемости зафиксированных единиц в поэтическом тексте; применяется квантитативный приём, выявляющий определённые тенденции в количественном соотношении анализируемых языковых единиц.

Результаты исследования

Зинаида Гиппиус – широко известный поэт, яркий представитель символизма в России. В своём творчестве она воплотила не только главные заветы данного литературного направления, но и передала в нём свои философские искания и окончательно утвердившиеся концепции. Анализ поэтического наследия автора в первую очередь выявляет идеологическую составляющую творчества З. Гиппиус, которая находит проявление в языковых единицах разных уровней.

Исследователи отмечают, что мировоззрение З. Гиппиус формировалось в переходный период в литературе и социо-политической обстановке страны, поэтому в творчестве поэта прослеживается эволюция авторской позиции в субъективном осмыслении и образном отражении окружающих предметов и явлений. Например, первую революцию З. Гиппиус восприняла с энтузиазмом и о царской власти писала негативно: *«Страшное, грубое, липкое, грязное, / Жёстко тупое, всегда безобразное, / Медленно рвущее, мелко-нечестное, / Скользкое, стыдное, низкое, тесное»* («Все кругом»); ко второй же она отнеслась с явным неприятием: *«Еще не изжито проклятие, / Позор небывалой войны, / Дерзайте! Поможет нам снять его / Свобода великой страны. / Пойдем в испытания встречные, / Пока не опущен наш меч»* («Юный март»).

В творчестве поэта прослеживаются сквозные мотивы – это мотивы смерти, печали, грусти, одиночества. Данные темы связаны непосредственно с жизненными проблемами З. Гиппиус, которая ещё в детстве была больна туберкулезом. Очевидно, это оказало особое влияние на позицию автора в решении многих вопросов и нашло отражение в поэтическом творчестве в разные периоды жизни. Уже в первой книге отмечается «рациональное отношение к миру и жизни» [Брюсов, 1973, с. 65]. Как отмечает В.А. Злобин, «всё, что она знает и чувствует в семьдесят лет, она уже знала и чувствовала в семь, не умея это выразить. «Всякая любовь побеждается, поглощается смертью», – записывала она в 53 года... И если она четырёхлетним ребенком так горько плачет по поводу своей первой любовной неудачи, то оттого, что с предельной остротой почувствовала, что любви не будет, как почувствовала после смерти отца, что умрёт» [Злобин, 1970, с. 71].

Настойчивое желание осознать вопросы бытия породило религиозную концепцию З. Гиппиус – это идея Третьего Завета и Богочеловеческой теократии. Таким образом, поэт осознаёт, что каждый стремится к единению с Богом, которое можно достичь лишь после смерти, но это стремление необходимо и возможно лишь при переходе из одного состояния в другое.

В религиозной концепции автора важное место отводится понятиям «триада» и «сверхчеловек». По мысли З. Гиппиус, «мировой процесс – есть, в вечной борьбе с небытием процесс восхождения, победа над смертью. Это задача, поставленная перед человечеством. Задача тройная – или триединая, так неразрывно связаны с ней три вопроса: 1) о Я (Личность), 2) о Ты (личная любовь), 3) о Мы (общество)» [Гиппиус, 1953, с. 107]. Таким образом, триада – это концепция перехода одного состояния в другое, позволяющая принять себя, истинную любовь и окружающих. Это «соприсутствие трёх начал, неразделимых и неслиянных, но составляющих единое целое» [Гиппиус, 2000, с. 177]. Пройдя весь этот путь, личность становится сверхчеловеком: «Религиозная идея, долженствующая быть основной для разрешения насущной проблемы социальной, есть Идея Духа. Как идея Бога-Отца в воплощении есть идея Сына, Логос – Единая Личность, Богочеловек, так идея Духа, в воплощении, может быть, должна дать истинным – соединение Личностей в богочеловеческую Общность – Царство Божие на земле» [Пахмусс, 1975, с. 79–96]. Так, поэт считает, что реальная жизнь – это путь, который человек должен пройти, чтобы достичь единения с Богом, а загробная – истинная жизнь, дарующая спокойствие.

Безусловно, отмеченные философские позиции отразились в поэтическом творчестве З. Гиппиус, поскольку, по ее мнению, именно поэзия больше, чем проза, позволяет ей передать своё мировосприятие и эмоциональное состояние [Гиппиус, 2001, с. 64]. В «Необходимом о стихах» она писала: «Каждый человек непременно молится или стремится к молитве, – все равно, сознает он это или нет, все равно, в какую форму выливается у него молитва и к какому Богу обращена. <...> Поэзия вообще, стихосложение в частности, словесная музыка – это лишь одна из форм, которую принимает в нашей душе молитва» [Гиппиус, 2001, с. 64]. Данная мысль, отражает понимание З. Гиппиус поэтического текста как способа обращения к Богу.

Выстраивая диалог с читателем, З. Гиппиус использует различные языковые средства, позволяющие усилить эффект, сделать акцент на определенном текстовом отрезке или оставить читателя наедине с мыслями. Среди них, на наш взгляд, особое место занимают конструкции экспрессивного синтаксиса, обладающие особым текстообразующим потенциалом.

Поэтический синтаксис З. Гиппиус отличается разнообразием конструкций и их функциональной предназначенностью. Среди многообразия синтаксических средств нами выделены наиболее частотные. Так, одной из отличительных черт поэтического синтаксиса З. Гиппиус является использование парцелляции, например: «*Идем – неведомо куда. / И ноша жизни, ноша крестная. / Чем далее, тем тяжелей...*» («Крик»).

Парцеллированные конструкции выполняют в поэтическом тексте особую функцию. Намеренное расчленение единой синтаксической структуры на сегменты направлено на акцентацию наиболее важных моментов предложения. Также важно обратить внимание на то, что З. Гиппиус, кроме точки, разделяющей высказывания на сегменты, использует свой авторский знак – тире, позволяющий не только акцентировать внимание на сказанном, но и несколько замедлить само повествование.

Собранный языковой материал свидетельствует, что парцеллированные конструкции в структуре поэтического текста автора выполняют различные функции:

1) используются для «фотофиксации» описываемого: «*И ветер, встав на миг единый, / Дождем дохнул – и в миг исчез. / Волокна серой паутины / Плывут и тянутся с небес*» («Пыль»); «*Рощи лимонные – и березовые, / Месяца тихий круг. / Зори Сицилии, зори розовые, – / Пенье таежных выюг*» («Вся») и др. [Гиппиус, 1999, с. 95–96, с. 216];

2) используются как зачин: «*Девочка в сером платьице... / Косы как будто из ваты... / Девочка, девочка, чья ты? / Мамина... Или ничья*» («Серое платьице»); «*Был человек. И умер для меня. / И, знаю, вспоминать о нем не надо / Концу всегда, как смерти, сердце радо, / Концу земной любви – закату дня*» («Ты любишь?») и др. [Гиппиус, 1999, с. 199, с. 91];

3) подчеркивают особое эмоциональное состояние: «*Побежало тесно, тучно, / Многоногое Оно. / Упоительно – и скучно. / Хорошо – и все равно*» («Оно»); «*Господь, Господь мой, Солнце, где Ты? / Душе плененной помоги! / Прорви туманные наветы, / О просияй! Коснись! Сожги...*» («Август») и др. [Гиппиус, 1999, с. 173, с. 170];

4) расширяют смысловое пространство: «*Шепчет весело: «И все ведь жили. / Смертный час пришел – и раздавили. / Взяли, раздавили – и конец. / Дай-ка мне четвертый леденец»* («А потом?»); «*По любви – восходит тварное / наверх, как по светлой дороге. / Темноту, слепоту – любовь / вокруг тварного я разрушу»* («Черненькому») и др. [Гиппиус, 1999, с. 188, с. 208].

В структуре стихотворения парцелляция наделяет текст особой прагматикой и семантикой, например, в стихотворении «Сентиментальное стихотворение» данный прием позволяет создать ассоциативную цепочку: абстрактная картина окружающей природы – читательское восприятие окружающей мира (конкретные цветы, цвета, ощущение от прикосновения к письму и т. д.):

*«Час одиночества укромный,
Снегов молчанье за окном,
Тепло... Цветы... Свет лампы томный –*

И письма старые кругом» («Сентиментальное стихотворение») [Гиппиус, 1999, с. 90].

Парцеллированные конструкции позволяют создать различные эффекты, например, создают ощущение достоверности сказанного в стихотворении «Втайне». Условно поэтический текст можно разделить на четыре части, в которых данный приём является основным стилистическим приёмом. В первых двух частях эффект реальности сказанного создается с помощью семантического («Сегодня имя твое я **скрою**, / И вслух – другим – **не назову**») («Втайне») и лексического (*тобою – тобой*) повтора, а парцелляция подчеркивает важность признания лирического героя. Следующие две части создают эффект приближения и отдаления объекта: «*На влажном небе Звезда огромней, / Дрожат – струясь – ее края. / И в ночь смотрю я, и сердце помнит, / Что эта ночь – твоя, твоя! / Дай вновь увидеть родные очи, / Взглянуть в их глубь – и ширь – и синь*» («Втайне») [Гиппиус, 1999, с. 273]. С помощью парцеллированных конструкций автор замедляет ритм повествования. В пятой части используется эллипсис, который создаёт впечатление динамики. Таким образом поэт создаёт ощущение особой взволнованности лирического героя и расширяет пространство текста: «*И все жаднее, всё неуклонней / Оно зовет – одну – тебя. / Возьми же сердце мое в ладони, / Согрей, – утишишь, – утешь, любя...*» («Втайне») [Гиппиус, 1999, с. 273].

3. Гиппиус довольно часто использует риторические фигуры. Данный стилистический приём используется с целью передачи особого настроения лирического героя и эмоционального состояния автора. Риторический вопрос как стилистический приём в поэтических текстах поэта используется в стихотворениях, в которых автор рассуждает о любви, о современном состоянии России, жизненном и загробном пути.

Таким образом, вопросительное предложение используется с целью:

1) утверждения определённой мысли поэта: «*Плачут дети, томясь в испытании / И от голода еле дыша, / Неужель на такие страдания / Не откликнется наша душа? / Мы ль не слышим, что совестью велено?»* («Божий суд»); «*Сердце плачет? Кушай, кушай, / Сердце – враг, сердце – зверь*» («Малинка») и др. [Гиппиус, 1999, с. 258, с. 169];

2) отрицания описанного ранее: «*Тебе ли, Юному, тебе ли / Отцам и дедам подражать? / Они – не ты. Ты больше знаешь. / Тебе иное суждено*» («Молодому веку»); «*Мне достучаться надо, надо, / Мне надо отдыха и сна... / Ужель за подвиг нет награды? / Я чашу пил мою до дна...*» («Ограда») и др. [Гиппиус, 1999, с. 247, с. 120–121];

3) побудить читателя к дальнейшим размышлениям: «*Как ни живи – жизнь не ответит, / Разве жизнью смерть побеждается? / Сказано – смертью смерть побеждается, / Значит, на всех путях она встретит*» («Неизвестная»); «*О, почему Тебя любить / Мне суждено неодолимо? / Ты снишься мне иль, может быть, / Проходишь где-то близко, мимо*» («К ней») и др. [Гиппиус, 1999, с. 208–209, с. 144].

Риторическое обращение – подчеркнутое обращение для усиления выразительности речи – в поэзии 3. Гиппиус является условным обращением к некоему обобщенному образу. Оно адресуется чаще всего несуществующему лицу, при этом используются абстрактная лексика, существительные во множественном числе, лексемы общего рода, например: «*Это, братьцы, война не военная, / Это, други, Господний наказ. / Наша родина, горькая, пленная, / Стонет, молит защиты у нас*» («Божий суд»); «*Душа, беги от искушенья, / Умей желать, – умей иметь*» («Иметь»); «*Одну тебя я принимаю, Смерть: / В тебе единой не пока – но вечность*» («Пока») и др. В роли обращения может выступать словосочетание, к примеру: «*Люблю недостижимое, / Чего, быть может, нет... / Дитя мое любимое, / Единственный мой свет!*» («Мешается, сливается...»); «*Рассточитесь, духи непослушные, / Разомкнитесь, узы непокорные, / Распадитесь, подземелья душные*» («Заклинание») [Гиппиус, 1999, с. 258, с. 168, с. 237, с. 79–80, с. 173–174] и др.

В поэтических текстах автора также зафиксированы риторические восклицания, использующиеся поэтом как приём для передачи накала страстей. Восклицательное предложение, таким образом, усиливает эмоциональность высказывания и может иметь или положительную коннотацию («С любовью, о Боже, / Взглянул я на все: / **Ведь это – дорожке, / Ведь это – Твое!**») («Баллада»); «**Миг обещанья так прекрасен!** / Аньес... Не будь нетерпелива... / И удаление, и теснота / Равны – в обоих есть тревожность» («Поцелуй») и др.), или отрицательную коннотацию («**Тринадцать, темное число!** / Предвестье зол, насмешка, мщенье, / Измена, хитрость и паденье» («13»)); «Как скользки улицы отворотные, / **Какая стыдь!** / Как в эти дни невероятные / **Позорно – жить!**» («Сейчас»); «**Эко диво, ну и страхи!** / **Вот так сила колдуна!** / Нет, в хламиде иль в рубахе – / Все одна тебе цена» («Реплика ведьмы») и др.) [Гиппиус, 1999, с. 77–78, с. 126, с. 129–130, с. 121, с. 298].

Одной из отличительных черт поэтического синтаксиса З. Гиппиус является *асиндетон*. Это особая стилистическая фигура, которая состоит в бессоюзном соединении предложений и компонентов предложения. Бессоюзие позволяет поэту придать повествованию особую динамику, при этом быстрая смена кадров даёт возможность передать смену самых разных чувств и эмоций лирического героя или же более детально осветить основную тему.

Например, в стихотворении «Вся» при описании Италии З. Гиппиус использует ряды однородных членов предложения, объединённых бессоюзной связью:

*«Милая, верная, от века Суженая,
Чистый цветок миндаля,
Божьим дыханьем к любви разбуженная,
Радость моя – Земля!
Рощи лимонные – и березовые,
Месяца тихий круг.
Зори Сицилии, зори розовые, –
Пенья таежных вьюг.
Даль неохватная и неистовая,
Серых болот туман –
Корсика призрачная, аметистовая
Вечером, с берега Канн.
Ласка нежданная, утоляющая
Неутолимую боль,
Шелест, дыханье, память страдающая,
Слез непролитых соль, –
Всю я тебя люблю, Единственная,
Вся ты моя, моя!
Вместе воскреснем, за гранью таинственную,
Вместе, – **и ты, и я!**» («Вся») [Гиппиус, 1999, с. 216].*

Заключение

Анализ синтаксических конструкций поэтических текстов З. Гиппиус позволил выявить наиболее частотные типы. Среди них в первую очередь необходимо назвать парцеллированные конструкции, функциональная предназначённость которых состоит в передаче особого эмоционального состояния лирического героя, в намеренном замедлении темпа повествования в соответствии с определённой художественной установкой, в акцентировании внимания читателя на наиболее важных и интересных моментах. С помощью таких конструкций поэт выстраивает свой диалог, стремится донести до читателя свои мысли, размышляет над волнующими вопросами бытия. Особенность парцеллированных конструкций, отмеченных в стихотворениях З. Гиппиус, состоит в том,

что автор отделяет парцелляты чаще всего с помощью тире, подчёркивая тем самым, как нам представляется, не только расчленение единой конструкции, но и взаимообусловленность выделяемых частей.

Риторические фигуры в поэзии З. Гиппиус используются преимущественно для передачи особого эмоционального состояния героя и автора, причём они могут иметь как положительные, так и отрицательные коннотации. Риторические обращения, как правило, не имеют конкретного адресата, что подтверждает обилие в поэзии абстрактной лексики. Риторические вопросы предназначены прежде всего для утверждения или отрицания определённой мысли, в отдельных случаях с помощью вопроса автор нацеливает читателя на размышления, активизирует его творческое воображение.

Активное использование асиндетона в поэтических текстах З. Гиппиус придаёт плавному повествованию особую динамику, создаёт высокую степень номинативной плотности.

Анализ языкового материала выявляет тесную взаимосвязь философских взглядов З. Гиппиус и средств языковой выразительности, которые являются языковым воплощением модели мира автора. Конструкции экспрессивного синтаксиса, наряду с другими языковыми средствами, оказывают воздействующий эффект на читателя, формируют его ценностное отношение к миру под влиянием установок автора.

Список источников

- Болотнова Н.С. 2007. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н. Кожинной. Москва, Флинта, 696 с.
- Болотнова Н.С., Котурова М.П. 2014. Идиостиль, или Индивидуальный стиль. В кн.: Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Под редакцией А.П. Сквородникова. Красноярск, Сибирский федеральный университет: 175–178. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24548511_23457925.pdf (дата обращения: 18.07.2024).
- Брюсов В.Я. 1973. Собрание сочинений в семи томах. Том 1. Стихотворения 1892–1909. Москва, Художественная литература, 672 с. URL: <https://traumlibrary.ru/book/bryusov-ss07-01/bryusov-ss07-01.html> (дата обращения: 18.07.2024).
- Гиппиус З.Н. 1925. Искусство и любовь. Public Domain, 29 с. URL: <https://www.litres.ru/book/zinaida-gippius/iskusstvo-i-lubov-26121756/chitat-onlayn/> (дата обращения: 18.07.2024).
- Гиппиус З.Н. 1999. Стихотворения. Под ред. А.С. Кушнера. Санкт-Петербург, Академический проект, 592 с.
- Антон Крайний (Гиппиус З.Н.) 2000. Литературный дневник 1899–1907 годов. Москва, АГРАФ, 320 с.
- Гиппиус З.Н. 2000. Автобиографическая заметка. В кн.: Русская литература XX века, 1890–1910. Том 1. Москва, XXI век – Согласие: 171–175.
- Гиппиус З.Н. 2001. Собрание сочинений в 15 томах. Том 2. Сумерки духа: Роман. Повести. Рассказы. Стихотворения. Москва, Русская книга, 560 с.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф. 2005. Поэтическая картина мира и ее отражение в языковом знаке. В кн.: Текст и языковая личность. Сборник трудов IV Всероссийской научной конференции (Томск, 27–28 октября 2005 года). Под ред. Н.С. Болотновой. Томск, Томский государственный педагогический университет: 67–72.
- Виноградов В.В. 1963. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. Москва, Академия Наук СССР, 256 с.
- Винокур Г.О. 1990. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. Под ред. Г.В. Степанова, В.П. Перознака. Москва, Наука, 452 с.
- Злобин В.А. 1970. Тяжелая душа. О З.Н. Гиппиус. Вашингтон, Издание Русского книжного дела в США, Виктор Камкин, 140 с.
- Калинина Ю.М. 2009. Композиция художественного текста как средство выражения его антропоцентричности. Дис. ... канд. филол. наук. Елец, 217 с.

- Карасик В.И. 2007. Языковые ключи. Волгоград, Парадигма, 520 с.
- Котова А.Г. 2000. Прагмасемантические аспекты идиостиля Н.С. Гумилева (на материале поэтических произведений). Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 211 с.
- Кухаренко В.А. 2019. Интерпретация текста. Москва, Флинта, 316 с.
- Лотман Ю.М. 1964. Лекции по структуральной поэтике. Вып.1 (Введение, теория стиха). *Ученые записки Тартуского государственного университета*. Вып. 160. *Труды по знаковым системам*, 1. Tartu, Тартуский государственный университет, 195 с.
- Лотман Ю.М. 1996. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления. Санкт-Петербург, Искусство-СПб, 848 с.
- Пахмусс Т. 1975. Зинаида Гиппиус – ее "Profession De Foi"/Zinaida Hippus: Her "Profession De Foi". *Russian Language Journal. Русский язык*, 29(102): 79–96. URL: <http://www.jstor.org/stable/43668352> (дата обращения: 18.07.2024).
- Солганик Г.Я. 2001. Стилистика текста. Москва, Флинта, Наука, 256 с.
- Тарасова И.А. 2012. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте. Москва, Флинта, 196 с.
- Курбатов Х.Р. 2002. Сүз сэнгате: Татар теленең лингвистик стилистикасы һәм поэтикасы. Казан, Мәгариф, 199 б.

References

- Alefirenko N.F. 2005. Poeticheskaya kartina mira i ee otrazhenie v yazykovom znake [The poetic picture of the world and its reflection in the linguistic sign]. In: *Tekst i yazykovaya lichnost'* [Text and linguistic personality]. Collection of works of the IV All-Russian scientific conference (Tomsk, October 27–28, 2005). Ed. N.S. Bolotnova. Tomsk, Publ. Tomskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet: 67–72.
- Vinogradov V.V. 1963. Stilistika. Teoriya poeticheskoi rechi. Poetika [Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics]. Moscow, Publ. Akademiya Nauk SSSR, 256 p.
- Vinokur G.O. 1990. Filologicheskie issledovaniya: Lingvistika i poetika [Philological studies: Linguistics and poetics]. Eds. G.V. Stepanov, V.P. Peroznak. Moscow, Publ. Nauka, 452 p.
- Zlobine V.A. 1970. A heavy soul. About Z.N. Gippius. Washington, the publication of Russian book business in the USA, Victor Kamkin, 140 p.
- Kalinina Yu.M. 2009. Kompozitsiya khudozhestvennogo teksta kak sredstvo vyrazheniya ego antropotsentrichnosti [Composition of a literary text as a means of expressing its anthropocentricity]. Diss. ... cand. philological sciences. Yelets, 217 p.
- Karasik V.I. 2007. Yazykovye klyuchi [Language keys]. Volgograd, Publ. Paradigma, 520 p.
- Kotova A.G. 2000. Pragmasemanticheskie aspekty idioshtilya N.S. Gumileva (na materiale poeticheskikh proizvedenii) [Pragmatic-semantic aspects of N.S. Gumilev's idiosstyle (based on poetic works)]. Diss. ... Cand. Philological Sciences. Volgograd, Publ. 211 p.
- Kukharenko V.A. 2019. Interpretatsiya teksta [Text interpretation]. Moscow, Publ. Flinta, 316 p.
- Lotman Yu.M. 1964. Lektsii po struktural'noi poetike [Lectures on structural poetics]. Iss. 1 (Vvedenie, teoriya stikha [Introduction, theory of verse]). *Tartu Riikliku Ülikooli toimetised*. Iss.160. *Trudy po znakovym sistemam*, 1. Tartu, Publ. Tartuskii gosudarstvennyi universitet, 195 p.
- Lotman Yu.M. 1996. O poetakh i poezii: Analiz poeticheskogo teksta. Stat'i i issledovaniya. Zаметки. Retsenzii. Vystupleniya [About poets and poetry: Analysis of poetic text. Articles and research. Notes. Reviews. Speeches]. St. Petersburg, Publ. Iskusstvo-SPb, 848 p.
- Pakhmuss T. 1975. Zinaida Hippus: Her "Profession De Foi". *Russian Language Journal. Russkii yazyk*, 29(102): 79–96. URL: <http://www.jstor.org/stable/43668352> (accessed: July 18, 2024).
- Solganik G.Ya. 2001. Stilistika teksta [Text stylistics]. Moscow, Publ. Flinta, Nauka, 256 p.
- Tarasova I.A. 2012. Poeticheskii idioshtil' v kognitivnom aspekte [Poetic idiosstyle in the cognitive aspect]. Moscow, Publ. Flinta, 196 p.
- Kurbatov Kh.R. 2002. Syz sэнгате: Татар теленең lingvistik stilistikasy һәм poetikasy [The Art of the Word: Linguistic Stylistics and Poetics of the Tatar Language]. Kazan, Publ. Mәgarif, 199 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.07.2024

Поступила после рецензирования 04.09.2024

Принята к публикации 10.12.2024

Received July 29, 2024

Revised September 04, 2024

Accepted December 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Плотникова Лариса Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и русской литературы историко-филологического факультета педагогического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Францевская Екатерина Игоревна, аспирант кафедры русского языка и русской литературы историко-филологического факультета педагогического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Larisa I. Plotnikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Russian Literature of the Faculty of History and Philology of the Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Ekaterina I. Frantsevskaya, Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Russian Literature of the Faculty of History and Philology of the Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.